

Николай Таратухин
Сборник рассказов

Избранное

Николай Таратухин
Сборник рассказов. Избранное

«Издательские решения»

Таратухин Н.

Сборник рассказов. Избранное / Н. Таратухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903124-2

В сборник включены рассказы, написанные в период с 2015 по 2017 год. Рассказ «Судьба футболиста» затрагивает трагические события в жизни главного героя на войне на Донбассе, на футбольных полях Японии. Рассказ «Приметам надо верить» о любви. Главные герои находят друг друга благодаря магическому действию музыки. Рассказ «Бутылки» о судьбе человека, попавшего в экстремальные условия жизни. Есть в сборнике рассказы трагикомические, фантастические и философские.

ISBN 978-5-44-903124-2

© Таратухин Н.
© Издательские решения

Содержание

Судьба футболиста	6
Пролог	6
Глава Первая	7
Позывной «Серафим»	7
Часть вторая	18
Игрок середины поля	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сборник рассказов Избранное

Николай Таратухин

Иллюстратор Леонид Павлович Баранов

© Николай Таратухин, 2018

© Леонид Павлович Баранов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3124-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Судьба футболиста

Пролог

– Ну, как себя чувствуешь, солдат? – с такими словами обратился ко мне врач на утреннем обходе в госпитале.

– Спасибо, доктор... Все нормально, но пальцы сильно болят...

– Пальцев уже нету... К сожалению...

– Ни одного!?!..

– Нету всей кисти... Крепись... На войне так случается... Сестра запишите: два кубика обезболивающих и снотворное на ночь...

У меня начались фантомные боли. Об этом мне сказала на перевязке медсестра. Я не мог уснуть без уколов. Отсутствующие пальцы правой руки ныли нестерпимой болью. Засыпал каким-то поверхностным сном, в котором вся моя короткая жизнь мелькала, как в калейдоскопе. Снились мои отец, мать, дедушка и бабушка, боевые друзья, но чаще всех моя Акеми... Снилось всё, что со мною было, но я не знал того, что мне ещё придётся пережить...

Глава Первая

Позывной «Серафим»

Когда мне исполнился один год, мои родители инженеры-ядерщики, работавшие на АЭС в Смоленске, уехали работать по контракту в Японию на АЭС в городе Фукусима, а меня оставили на воспитание дедушке и бабушке. Они были уже пенсионерами и не работали. Дедушка, Серафим Яковлевич, в свое время работал на шахте горным инженером, или, как он сам говорил – маркшейдером. Бабушка всю трудовую жизнь проработала в детском саду воспитательницей. Когда меня к ним привезли, дедушке было 70 лет, а бабушке, Ольге Ивановне – 65. В детский сад я не ходил, а всё время проводил, играя с ребятнёй двора их многоквартирного дома в пригороде Донецка, недалеко от аэропорта.

Моим воспитанием занималась, в основном, бабушка. Она всю любовь к своим детям – сыну, моему отцу и дочери, тётке Гале, живущей в центре Донецка, перенесла на меня. Занималась моим развитием не хуже, чем в детском саду. К пяти годам я уже мог читать и писать печатными буквами. Помню, в бабушкином письме моим родителям сделал приписку: «Папа и мама, я очень скучаю по вам».

К нам очень часто приезжала в гости тётя Галя со своей дочерью Вале́й, которая была старше меня на два года. Мы с ней дружили. Она выдумывала разные игры по мотивам детских сказок, где главную роль брала себе, а мне доставались второстепенные персонажи. Но однажды я сыграл роль Серого волка в сказке про Красную Шапочку. Мне очень понравилось, и я каждый раз просил её поиграть со мной в эту сказку.

Новый, 2001 год мы отпраздновали очень весело. Дедушка был Дедом Морозом, а тётя Галя – Снегурочкой. Нарядная ёлка в нашей квартире светилась разноцветными гирляндами. А мы с Вале́й, взяв под ёлкой подарки, читали стихи... Мог ли я подумать, что это был последний Новый год, когда я встречал его вместе с дедушкой и бабушкой...

Отец и мать, окончательно устроившись в Японии, меня в пятилетнем возрасте решили забрать к себе. Помню, с каким восторгом я смотрел на огромный самолет, на котором мы должны были лететь в Японию и с таким же восторгом смотрел в иллюминатор в самом начале полёта на землю, на малюсенькие машины и речные пароходы. Но когда сплошные белые облака закрыли землю и самолёт начал врезаться в них, как в молоко – мне было уже неинтересно, и я заснул...

Родители считались квалифицированными специалистами. Пользовались большим уважением на атомной электростанции и имели высокую заработную плату, что позволило им купить домик в городе. Дом этот был типичным японским городским домиком, без прилегающего к нему двора. Поэтому я часто играл с другими детьми прямо на улице. Поскольку отец и мать были постоянно заняты на работе, а работали они по 9—10 часов в сутки с одним выходным днём в неделю, то наняли домработницу для ведения всех хозяйственных дел и готовки еды. Помню, по утрам она открывала окна и двери для проветривания всех уголков дома. Особенно большое внимание она уделяла кухне, тщательно перемывая и перетирая всю кухонную утварь. Благодаря её стараниям всюду царил блеск, аккуратность и порядок.

Естественно, для того, чтобы определить меня в школу, а обучение в Японии начинается с шести лет, мне предстояло пройти подготовку. Для этой цели был нанят репетитор высшей категории. Это был пожилой японец, считавший себя потомком известного рода самураев. Его родители-дипломаты долгое время жили в России, что помогло ему в совершенстве изучить русский язык.

Учитель очень ревностно относился к своей работе. Он был не только моим педагогом, но и духовным наставником. Изучать японский язык мне с ним было легко и интересно. Помимо изучения японской слоговой азбуки катакана и хирагана, мы с ним играли в разные игры, из которых мне очень нравилась интересная и увлекательная игра го, развивающая внимательность, усидчивость и концентрацию ума. Кроме того, он очень осторожно, ненавязчиво прививал мне основы Бусидо – свод правил, рекомендаций и норм поведения в обществе.

К моменту поступления в начальную школу, а это происходит в Японии в апреле месяце, мне пошёл седьмой год. Я уже владел основами арифметики, умел читать и разговаривать на японском. Но особенно мне нравилось рисовать японские иероглифы. Их около двух тысяч. Учитель мне давал словесное задание, а я должен был нарисовать иероглиф. Эти уроки проходили в игровой форме, и я легко осваивал это непростое дело.

Учитель старался мне привить черты настоящего самурая, самыми главными из которых является честность и храбрость. Он неоднократно мне повторял: «Юноша должен быть бесстрашным, выдержанным и стойким».

В школе у меня дела складывались хорошо. Я обладал исключительной памятью – мог безошибочно повторить всё услышанное или прочитанное, а также мог заметить любое изменение в расположении окружающих предметов. Хороших друзей, а тем более, подруг у меня в классе не было, их мне заменял Учитель. Общение с отцом и матерью у меня было ограниченным. Они приходили с работы поздно, уходили рано. Только один день в неделю, когда у них был выходной, они полностью отдавали мне. Мы совершали поездки к морю, посещали зоопарк, ходили в кино. Иногда мама пекла пирог и мы все вместе наслаждались её искусством за чаепитием.

Всё остальное время у меня занимала школа, выполнение домашних заданий, где Учитель занимал главенствующую роль. Он старался привить мне чувство чести и стыда, учил быть правдивым, дисциплинированным. Выработывал во мне хладнокровие, спокойствие и присутствие духа, умение не терять ясность ума при самых серьёзных испытаниях. Такой характер развивался чтением рассказов и историй о храбрости и воинственности легендарных героев. Моё духовное развитие Учитель неотрывно увязывал с физическим. Ежедневно мы с ним отрабатывали приёмы самурайского боевого искусства дзю-дзюцу, делая упор на ведение боя в малых помещениях и ограниченных пространствах.

Когда я перешёл в четвёртый класс, отец определил меня в Академию футбола в ближайшей спортивной школе. Игра мне очень понравилась. Особенно полюбил жонглирование мячом. Мог жонглировать не только одним мячом, но даже двумя. Этот трюк никто в школе кроме меня не мог сделать. Выяснилось, что у меня отменная координация движений и исключительная реакция. Тренеры отмечали ещё и мою способность наносить удары по мячу из любого положения, как левой, так и правой ногами. Все прочили мне блестящее футбольное будущее...

Окончив начальную общеобразовательную школу, я поступил в среднюю школу первой ступени, где надо было учиться с седьмого по девятый класс включительно. В школе с учёбой у меня проблем не было. Легко переходил из класса в класс. В девятом классе, который является выпускным, моё обучение в Академии футбола тоже заканчивалось. В ней я стал «звездой». Меня начали приглашать на тренировки в футбольную команду города...

Мои родители к этому времени получили японское гражданство. Двойное гражданство в Японии запрещено, поэтому им пришлось отказаться от гражданства России. Понятное дело, гражданином Японии стал и я. Всё складывалось великолепно, но природный катаклизм в одночасье внёс страшные коррективы. Землетрясение в пятницу 11 марта 2011 года силой в девять баллов разрушило город, а мощное цунами затопило АЭС «Фукусима—1», где работали мои отец и мать. На станции в этот день пропали без вести два человека. Это были мои родители...

О том, что они погибли было признано значительно позже. Тела их обнаружены не были... Такое короткое слово «погибли» ... Но оно означает, что я их не увижу больше никогда. Маму, которая мне пела колыбельные песни, лечила меня домашними средствами от простуды, ласкала, когда мне этого очень хотелось. Из — за её работы я её видел значительно реже, чем этого мне хотелось. Она была на десять лет моложе отца и говорила, что очень хочет, чтобы у меня появился брат или сестра. Погибла, когда ей исполнился всего 41 год. Отца тоже уже не увижу. Он защитил недавно докторскую диссертацию и был весь в науке, но мне старался уделять всё свое свободное время. Он очень любил футбол и сделал всё, чтобы и я общился к нему... Учитель мой тоже погиб во время цунами, охватившего побережье после землетрясения.

Мне хорошо запомнился тот день. Я только что пришёл из школы. Даже не успел раздеться, как вдруг сильнейший толчок выбил опору из-под моих ног и наш дом начал складываться, как карточный. От сильного удара в спину потерял сознание. Меня спасатели нашли под обломками дома с травмами спины и ног. В больнице я ожидал отца и маму, но их уже по-видимому не было в живых...

В больнице пробыл недолго и был направлен в детский дом, расположенный в пригороде Токио. Окончилась моя безмятежная жизнь. Теперь все решения мне нужно было принимать самостоятельно. Когда дедушка и бабушка, узнав о гибели моих родителей предложили мне вернуться в Донецк и жить у них, я, к большому их огорчению, отказался. Они на меня вначале страшно обиделись, но мне удалось их уговорить, выдвинув основную причину моего отказа: желание закончить среднюю школу по совету отца.

За месяц до землетрясения наша семья отмечала моё пятнадцатилетие. Тогда папа сказал, что мне необходимо закончить вторую ступень средней школы и поступить в высшее учебное заведение. Выпускные экзамены в средней школе за девятый класс я сдал. Далее предстоял выбор: или продолжать учиться и закончить двенадцатый класс, или поступать в колледж. Половина моих одноклассников выбрали второе, а я решил продолжать обучение.

Вступительные экзамены в старшую школу второй ступени я сдал без особого напряжения и стал обучаться в десятом классе. Мальчишки и девчонки обучались вместе. наших детдомовских в классе было около десяти человек. И тут меня настигла первая любовь. Предметом моего обожания стала самая красивая девочка не только в классе, но и во всём нашем детдоме. Её родители тоже погибли при землетрясении. Звали её Акеми, что означает – «яркая красота». Действительно, она была очень красивой. Мы с ней были одноклассники. Даже родились в одном и том же месяце – феврале.

Она была отличницей. Писала хорошие стихи о природе, о любви. Очень тяжело переживала гибель родителей. В отличие от меня, она осталась круглой сиротой, и её одинокая душа желала пристанища. У Акеми было много поклонников среди учеников школы, по японским меркам даже красавцев, но она ни одному не отдавала предпочтение. Мне тоже ничего пока не светило на этом фронте, но я был на свою русоволосую голову выше всех и сильнее. Быстро оттеснил конкурентов и старался всё время оказываться в поле её зрения. Она стала той девчонкой, которая заполнила всё моё существование. Я не мог прожить и минуты, чтобы не думать о ней. Засыпал и просыпался с её именем...

Мы с ней оба занимались спортом. Меня пригласили в профессиональную футбольную команду второго дивизиона на смотрины, которые я блестяще выдержал. Стал ходить на регулярные тренировки и был зачислен в резерв команды. Акеми была чемпионкой префектуры по стрельбе и её приглашали на первенство страны, где она заняла третье место по стрельбе из малокалиберной винтовки.

Желание быть с ней рядом настолько оказалось велико, что я решил тоже научиться стрелять. Как-то я сказал Акеми об этом и попросил её мне помочь. Она согласилась и познакомила меня со своим тренером – женщиной лет сорока довольно сурового вида. Стал регулярно

посещать занятия. Тренер мне сразу сказала, что для идеального выстрела нужны холодный ум и тренированный глаз. Здесь у меня таланта не обнаружилось. Зато обнаружились дефекты, которые были несовместимы со стрельбой. Не хочу их перечислять, но был и положительный момент. Тренер заметила, что у меня винтовка держится в руках намертво. Она не вздрагивает даже от ударов сердца, что очень мешает другим стрелкам. Кстати, регулярные занятия футболом привели к тому, что сердце у меня совершало не более 55 ударов в минуту. Это очень важно для стрелка. Ведь нужно делать выстрел только в паузе между сердечными ударами. И тренер поверила в меня.

Многочасовые тренировки позволили мне выработать хладнокровие и терпение и, самое главное, избавиться от торопливости. Старался перенимать все приёмы маститых стрелков. Увлечение стрельбой оказалось даже сильнее футбола. Стрельба захватила меня так, что я решил с футболом повременить, хотя меня настойчиво приглашали в команду второго дивизиона. Мне хотелось быть рядом с Акеми, дышать с ней одним воздухом, иметь те же интересы, которые были у неё. Я её безумно любил...

Тренер была мною довольна. На ближайших соревнованиях на первенство префектуры по стрельбе из малокалиберной винтовки я занял второе место. Но в скоростной стрельбе из спортивного пистолета мне не было равных. Стал чемпионом префектуры. У меня была исключительная способность запоминать местоположение предметов. Однажды на соревнованиях с разрешения судей продемонстрировал перед зрителями стрельбу из винтовки по мишени с закрытыми повязкой глазами. Произвёл фурор, ни разу не промахнувшись и стал знаменитостью Токио.

В классе Акеми сидела за столом напротив меня и я, порой совсем забывая об уроке и учителе, смотрел в её сторону. Её темноволосая головка с маленькими косичками притягивала мой взгляд словно магнитом. Не знаю, обладал ли я гипнозом, но она каждый раз после моих взглядов поворачивала своё милостивое лицо в мою сторону и тогда наши взгляды встречались. Её глаза, как две темные вишенки говорили мне, что я ей не безразличен... Так продолжалось каждый день. Однажды после долгих колебаний, решился написать ей записку. Написал, что она прекрасна, как цветок сакуры и влюбился я в неё сразу, как только увидел и теперь жить не могу без неё. На перемене подошел к её столу и вложил записку в лежащую на нём книгу. Она это видела. Я стал ожидать ответ. Он пришёл на следующей перемене. Свой ответ, по моему примеру, она вложила в мою книгу. В записке было написано всего три слова: «Люблю тебя тоже». Не знаю, как у неё, а у меня такое тепло разлилось в груди, что я насилу дождался конца занятий и подошёл к ней. Школа была в пятнадцати минутах ходьбы от нашего детского дома. Всю дорогу мы шли рядом и разговаривали о чём угодно, но только не о том, что произошло. Она приняла мое признание в любви с достоинством королевы, как нечто само собой разумеющееся. Однако при расставании тихо сказала: «Маттакуши, я тебя люблю очень». Моё имя – Максим, она выговаривала по-японски, что прозвучало для меня нежной музыкой...

Прошло дней десять после первых объяснений в любви, когда я решился привлечь её к себе и прикоснуться своими губами к её губам. Ни я, ни она целоваться не умели, но теперь при расставании всегда это делали. Но однажды она так нежно обняла мою шею своими тонкими, еще почти детскими руками, что я не мог удержаться, чтобы не коснуться рукой её маленькой груди. Это произошло как-то интуитивно. Она вмиг встrepенулась, и я почувствовал, как её губы буквально впились в мои. Мне это понравилось, и я попытался сделать то же самое. Поцелуи стали такими жаркими, что мы уже себя не контролировали. Нам не хватало родительской ласки и все чувства мы переносили друг на друга. Все печали и радости мы делили пополам. И мне, и ей уже шёл восемнадцатый год. Будь у нас соответствующие условия, то всё произошедшее с нами чуть позже, могло произойти даже значительно раньше. Мы с Акеми, решили пожениться, когда достигнем выпускного из детдома возраста, который

наступал после 18 лет. Оставалось меньше года, и мы решили не торопить события. По-прежнему целовались, теперь уже довольно страстно, но «границу» не переходили.

Я начал обучать её русскому языку. Она с большой охотой начала учить наш «великий, могучий... русский язык». Известно, что в японском языке очень мало ласковых слов. Поэтому японцам требуется в два раза больше времени, чтобы что-то сказать. Хотя бы только поэтому он не сравнится с нашим языком. Акеми это почувствовала, когда стала немножко понимать мои ласковые слова, обращённые к ней.

Наши отношения с Акеми не были секретом для воспитателей и воспитанников детдома. Администрация приветствовала формирование пар среди выпускников детского дома. Все без исключения воспитанники получали профессиональное образование.

Мы с нею обучались компьютерному программированию, а я видел своё будущее в стрелковом спорте. Но всё это могло случиться ещё не скоро, а пока мы закончили последний класс старшей школы. Акеми уже не выглядела угловатым подростком, а превратилась в стройную девушку очень приятной внешности, а я сильно подрос, да так, что она едва доставала мне до плеча. Нам продлили пребывание в детском доме согласно Закону, до достижения нами двадцатилетнего возраста.

Как призёров последних соревнований по стрелковому спорту, нас с Акеми в первых числах апреля 2014 года пригласили на весенние недельные сборы на спортивную базу в пригороде Токио. Весна в том году была ранней. Природа оживала после довольно холодной зимы. Цвели деревья, проснулись пчёлы, их жужжание слышалось под каждым деревом, пели птицы и на душе у меня было тепло от сознания того, что рядом со мною была любимая девушка. Нам совсем недавно исполнилось по восемнадцать лет, и мы знали, что кроме детских поцелуев существует ещё нечто, более интимное и острое. Мы давно с ней этого хотели...

Стреляли мы с нею хорошо, у тренеров претензий к нам не было. Так получилось, что в комнате на базе я остался один. Мой напарник по комнате был вынужден покинуть сборы по семейным обстоятельствам. Акеми пришла ко мне и осталась со мной на ночь... Случилось то, что случилось. Мы оба с ней потеряли невинность, и эта утрата была такой сладкой, что мы всю неделю пребывания на сборах продолжали её терять...

Возвратились мы в детдом уже не детьми. Нам пошел девятнадцатый год и будущее нам казалось светлым и обеспеченным. На моём счету в банке было 500 тысяч долларов – компенсация государства за погибших на работе моих родителей. У Акеми что-то около 50 тысяч. Квартиру купить мы вполне могли.

В конце апреля мне позвонила бабушка и сказала, что дедушка тяжело болеет и хочет меня увидеть, может быть уже в последний раз. Мы с Акеми решили лететь в Донецк. Мне визу в посольстве Украины выдали на основании вызова родственников, а вот Акеми визу не дали. Это был настоящий удар для нас. Решили мы, что я полечу один. Побуду месяц и вернусь...

В Москве у меня была пересадка на рейс Москва – Донецк. В аэропорту Донецка меня встречала почти вся моя украинская родня: бабушка, сестра моего отца – тётя Галя с дочерью Валентиной. Встреча была очень радостной.

– Господи, как ты, Максим, вырос, – воскликнула бабушка, обнимая меня, – возмужал и стал так похож на отца.

– Вымахал, небось, под два метра? – спросила тётя Галя.

– Нет, только метр восемьдесят пять, – поправил я её, – но, думаю ещё подрасти...

Моему дедушке исполнилось 87 лет. Он лежал в постели. Я его обнял и поцеловал. Он сильно исхудал и был очень слаб.

– Ну, рассказывай, как жилось на чужбине? – спросил он.

– Серафим, дай мальчику прийти в себя с дороги, – взмолилась бабушка, – сейчас поужинаем и тогда он всё расскажет.

Мой рассказ все слушали с большим вниманием. Я рассказал, как погибли отец и мать, хотя, мёртвыми их не видел, а только то, что мне рассказывали в детдоме. Рассказал о своих спортивных достижениях и, конечно, не забыл об Акеми. Сказал, что собираюсь жениться на ней. Дедушка предложил помянуть сына и невестку – мою маму. Ему пить было нельзя, но он пригубил из своего стакана, а я впервые глотнул спиртное и оно мне не понравилось. Однако традиция есть традиция...

У дедушки был рак, и врачи сказали бабушке, что он долго не проживет. Поэтому я решил проводить его последний путь, а затем уже вернуться в Японию.

Город Донецк мне очень понравился, но на улицах было как-то беспокойно. Митинги, протесты... О политической жизни в Украине я ничего не знал, но дедушка кое-что мне рассказал:

– В Киеве голову поднимают националисты и, наверное, начнут свой поход на Юго-Восток... Они хотят лишить нас веры и языка... Ты уезжай, пока не началась заваруха... А нам здесь жить и умирать... Это наша земля...

Мне родители рассказывали о героическом прошлом дедушки. Он мальчишкой, приписав себе лишний год, ушёл воевать. В армии был разведчиком. Дошёл до Кенигсберга, был тяжело ранен и демобилизован по инвалидности.

– Дедушка, ты предлагаешь мне убежать и бросить вас здесь... Ты воевал за эту землю, и я не уеду никуда... Буду тоже, как и ты, сражаться за неё...

– Я рад, что ты вырос таким... Умру спокойно...

В городе был объявлен призыв добровольцев в ополчение, и я пришёл на сборный пункт. Когда я предъявил свой японский паспорт, то вызвал некоторое удивление у секретаря.

– Вы интернационалист?..

Объяснил своё появление в Донецке и рассказал о своих достижениях в спортивной стрельбе. Меня тут же направили в подготовительную школу снайперов.

Позднее, в конце июня, в последний путь мне пришлось провожать не только дедушку, но и бабушку вместе с их пятью соседями. Город тогда был обстрелян «Градами» и случилось прямое попадание в их дом. А я в это время уже месяц проходил трёхмесячный курс молодого бойца в ополчении. Но перед этим дозвонился до Акеми и рассказал ей о причине своей задержки в Донецке. Она плакала и просила меня всё хорошо обдумать, но я настоял на своём. При этом попросил держать всё в строжайшей тайне и никому не рассказывать – где я. Связь держать со мной через тётю Галю, для чего сообщил её адрес и телефон. И тут она мне сообщила, что беременна и решила рожать.

Я её решение одобрил и посоветовал использовать мою генеральную доверенность на распоряжение моим банковским счётом для покупки квартиры. Такую доверенность я нотариально оформил на неё перед моим вылетом на Украину.

Школа снайперов была сформированная из таких же необстрелянных парней и девушек, имевших ранее хоть какое-то отношение к стрельбе. Собственно говоря, это была школа выживания в бою. Курс молодого бойца мы проходили в ускоренном темпе. С утра до позднего вечера, и даже иногда по ночам, нас обучали инструкторы, имевшие боевой опыт в горячих точках: в Афганистане и Чечне. Нас обучали способам маскировки на местности, стрельбе из всех видов оружия, минному делу, рукопашному бою и, конечно, стрельбе из снайперской винтовки. Не только по видимой мишени, но и по скрытой: на звук, на свет, на шорох. Здесь я удивил своих инструкторов умением метко стрелять «по-македонски» – на бегу из двух пистолетов по двум мишеням.

Снайперами смогли стать не все. Был очень жесткий отбор. Я, еще двое ребят и трое девушек, смогли пройти сквозь сито тщательного отбора. С нами уже начал проводить занятия пожилой инструктор высшей категории, прошедший Египет и Афганистан. В школе нам показали советский фильм «Враг у ворот» о борьбе сталинградского снайпера Василия Зайцева

с немецким «суперснайпером» Кенингом. Фильм произвёл на меня сильнейшее впечатление, а Зайцев стал моим кумиром...

Тётя Галя прислала мне письмо, в котором рассказала, что наладила связь с Акеми. У неё беременность протекает нормально, УЗИ показало, что у неё родится двойня. Квартиру она купила недалеко от детдома, а детдомовская администрация взяла над нею опеку. Это меня душевно успокоило, но расстраивало то, что нам пользоваться сотовым телефоном категорически запрещалось. Я с блеском сдал все экзамены и был отправлен на передовую с позывным «Серафим», который взял в честь своего деда.

На войне у бойцов сложилось мнение, что снайперы и пулемётчики живут на передовой не очень долго. Это я слышал от пожилых ополченцев, но не верил, что пуля-дура достанет меня в расцвете сил и здоровья. О том, что убивать мне самому придётся людей, пусть даже извергов, я думал пока только теоретически. Практика оказалась жестокой и циничной.

Отряд, куда я прибыл, вёл осаду Донецкого аэропорта, где засела самая оголтелая часть украинской армии. Их почему-то называли киборгамми. Командир отряда, пожилой мужчина лет пятидесяти, принял меня очень тепло.

– Сколько тебе лет, сынок? – спросил он меня, когда я доложил о прибытии в расположение его отряда.

– Зимой будет девятнадцать... Мой дед пошёл на войну в семнадцать...

– Ну, не ершишься. У нас есть ребята моложе тебя. Почему у тебя такой позывной – «Серафим?».

Пришлось всё рассказать о себе. Он меня внимательно выслушал и сказал:

– Если тобой движет только месть, то этого недостаточно. Мы здесь бьёмся за всех русских на Донбассе, за свободу говорить на своём языке, бьёмся против фашистского бандеровского отребья... Сегодня ночью мы проводим операцию по занятию новой позиции. В нашем отряде был снайпер... Вчера его тяжело ранил снайпер противника. Твоя задача ликвидировать его. Сейчас тебе принесут оружие твоего предшественника. Познакомься с винтовкой. Это новая АСВК – армейская снайперская винтовка крупнокалиберная. Ты в учебке стрелял из какой?

– Это была СВН-98. У меня всё плечо в синяках...

– Ну, эта намного мягче в отдаче и бьёт на полтора километра.

Разговор наш проходил в блиндаже. Вскоре в дверь постучали и вошёл мужчина с винтовкой, бронежилетом и каской. Командир, проверив амуницию, заставил меня примерить бронежилет.

– Он, конечно, от пули снайпера не уберезет. Пуля американского «Барретта» пробивает его, но от осколков гранат, которыми тебя могут обстрелять, спасёт. Пуля твоей АСВК тоже пробьёт любой бронежилет. А сейчас пойдём, посмотрю, как ты стреляешь...

Мы прошли по траншее в самый её конец. Командир дал мне тяжёлый армейский бинокль. Я таким уже пользовался в учебке.

– Видишь там вдали телеграфные столбы с оборванными проводами. В изолятор попадёшь?..

До столбов было около километра. Установил сошку для устойчивости ствола и начал присматриваться. В оптический прицел хорошо были видны четыре белых изолятора. В коробчатый зарядный магазин винтовки вмещалось пять патронов. Получил команду и сделал четыре выстрела. Изоляторов на столбе не осталось. Разрядил винтовку, как учили...

– Не дурно, надо сказать, не дурно!.. Желаю успехов теперь, сынок, в бою, – сказал командир, пожав мне руку.

Винтовка мне очень понравилась. Правда, тяжеловатая, около тринадцати килограммов, но зато с искрогасителем и глушителем. Оптический прицел с 45-кратным увеличением у неё был съёмный, к ней прилагался прибор ночного видения. В напарники мне определили муж-

чину, который приходил в блиндаж. Познакомились. Зовут Филиппом. Бывший шахтёр, воюет уже месяц, женат, имеет сына пяти лет. Был напарником выбывшего снайпера... До начала операции оставалось два часа и мы разговорились.

– Федя был отличным парнем и хорошо стрелял. В тот день наш отряд хотел продвигнуться в направлении взлётной полосы. По данным разведки у противника здесь снайпера не было, но он там оказался. Положил наших троих, а Федю ранил...

– Филипп, тыква или дыни есть в отряде? – спросил я.

– Вчера нам принесли снабженцы дыни. Сейчас сбегая...

Он вскоре принёс большую дыню. Я карандашом пометил стороны и нанизал её на черенок от лопаты, напялил тёмную балаклаву и надел каску. Получилось нечто похожее на голову. С этим макетом мы низко прогибаясь вышли по траншее к её концу. Вечерело, но видимость была еще хорошая. Я несколько раз поднимал макет выше бруствера, имитируя движение. Наконец, пуля сочно долбанула в макет, выбив его из моих рук. Это, как раз мне было и нужно. Я по входному и выходному отверстиям определил направление, откуда был произведён выстрел. Доложил командиру. Наблюдатели в стереотрубу рассмотрели место схрона снайпера. Миномётчики открыли по нему огонь, а я в этот момент сделал всего один выстрел. Снайпер был уничтожен. Я не видел его лица, только силуэт, который на мгновение появился в прицеле.

Фокус с макетом я вычитал из книги какого-то автора и применял его впоследствии часто... Лето прошло без особых происшествий. Несколько раз я участвовал в дуэлях с вражескими снайперами. Меня вдохновлял образ Василия Зайцева, и я очень хорошо следовал его примеру. За всё лето я сделал всего десять выстрелов по снайперам. Это были десять вражеских жизней, но это, возможно, спасло жизни многим десяткам ополченцев.

Поздней осенью маскироваться стало трудней. Голые ветки деревьев плохо помогали оставаться незамеченными, но густая пожухлая трава компенсировала отсутствие листьев. Мы мастерили себе маскхалаты согласно погоде и времени. Филипп очень хорошо оберегал меня от самоходных дронов, уничтожая их при опасном приближении к нам. Наша специализация была довольно узкой – борьба со снайперами противника и уничтожение миномётных расчётов, что требовало нашего выдвижения далеко вперёд от своих позиций.

На нас работала иногда целая группа сапёров по разминированию выбранного нами участка местности. Ради одного выстрела мы с Филиппом порой часами лежали и мокли под проливным дождём не шелохнувшись. Он всегда занимал позицию сзади меня за более надёжным укрытием. Его задача – вести круговой обзор в то время, когда я неотрывно смотрел в оптический прицел винтовки в зону противника. Ведь «цель» могла появиться только на мгновение. Мне этого мгновения хватало. Здесь мне очень помогали спокойствие и хладнокровие, привитые мне Учителем.

Активность вражеских снайперов на нашем участке резко поубавилась. Их число сократилось благодаря нашим действиям. Мне очень помогала моя способность запоминать местоположения предметов на местности. «А вот этого кустика вчера здесь не было. Вырос за ночь... Что там под ним? – соображал я, – а мы сейчас подрежем ему корень...». Выстрел и «кустик» уже не растёт.

Взятию аэропорта моим отрядом очень мешала высоченная диспетчерская вышка. Из неё местность просматривалась на многие километры. На ней обосновались корректировщики огня минометов и, конечно, снайперы укропов. Несмотря на обстрел вышки из наших орудий, они умудрялись там периодически появляться. Мы с Филиппом вели постоянное наблюдение за вышкой из укрытия, сооружённого для нас группой поддержки с таким расчётом, чтобы узкая щель амбразуры укрытия выходила прямо на вышку. Меня засечь было трудно, а все этажи этого сооружения, кроме первого, мной просматривались. Как только на них появлялось

что-то новое, незаметное для других, но только не для меня – я брал это на прицел. Не знаю, скольких снайперов я убрал, но штук пятнадцать «Барретт» угробил – это точно.

Медаль «За боевые заслуги» нам с Филиппом вручили сразу после взятия аэропорта. А через некоторое время меня ожидала ещё одна радость: Тётя Галя прислала мне письмо, в котором сообщала, что Акеми родила в конце декабря близнецов – мальчика и девочку. У неё всё хорошо. Дети родились здоровыми.

В феврале мне исполнилось 19 лет. Боевые друзья тепло поздравили меня и пожелали ни пули, ни осколка и удачи в бою. А бои начались сразу же после нашего взятия аэропорта. Вооружённые силы Украины предприняли контрнаступление на аэропорт. Мы отбили это наступление. Тут мне пришлось изрядно потрудиться. Противник предпринимал одну атаку за другой и нам с Филиппом спать удавалось урывками не более 2-х часов в сутки. Мне частенько приходилось оставлять винтовку и брать в руки автомат и даже гранатомёт. Но в перерывах между атаками я вновь брал винтовку и наводил панику в рядах атакующих. Их потери стали настолько заметными, что командование ВСУ объявило меня террористом номер один и за мной началась настоящая охота. Я давно уже перестал переживать, видя смерть человека от моих рук. Для меня это были враги, которые стреляют в меня и могут так же меня убить.

Однако часто, просматривая траншеи противника и дальние подступы к ним в оптический прицел винтовки, я думал одно и то же: «Кого я лишаю жизни?.. Бандеровского отморозка или мобилизованного моего ровесника, которого даже не обучили как следует военному делу. Дали автомат и послали „москалей“ убивать...».

Когда я видел такого, в голову приходила мысль: «Ожидает его в каком-нибудь Крекове или Жолкве гарна дивчина Гандзя и родители, у многих есть дедушка и бабушка, а пришлют гроб». Старался ранить в руку или ногу. «Может быть поумнеет?» – думал я. Иногда вообще не стрелял в таких. Злейшими врагами я считал иностранных инструкторов и бойцов батальонов «Азов» и «Айдар». Здесь никакой пощады у меня к ним не было.

Мы заняли посёлок Спартак и перешли к обороне. Опять начались контратаки. Мы успешно их отбивали, хотя и у нас были большие потери. Очень жалко и страшно было видеть мёртвым человека, с которым всего несколько минут назад разговаривал, который строил планы на сегодня, а сейчас лежит с простреленной головой и ничего ему уже не нужно. Жажда мести и злоба заполняла всё моё существо. Не скрывая слёз я, стрелял по серым фигурам, не задумываясь: кто их послал сюда и зачем?.. Но помню, как в подбитом БТРе двое солдат ВСУ отчаянно отбивались от наших. А когда окончился боезапас, подорвали себя гранатой... Герои?.. Лучше смерть, чем плен?.. Это как же надо ненавидеть русских?.. Правда, мне наши ребята сказали, что такой героизм проявляют иногда наркоманы из радикальных группировок. Обкурятся и буром прут на наши позиции.

Но не только в прицел винтовки я видел противника. Однажды нам с Филиппом пришлось вступить в рукопашную. Нас выследили, когда мы заняли позицию в непосредственной близости от укреплений врага.

В нашу сторону направилась БМП – боевая машина пехоты. Где-то в полукилometре от нас она подорвалась на mine. Когда всё наше внимание было обращено на машину, на нас накинулись откуда-то сбоку трое пехотинцев. Вот тут-то мне и пригодились уроки Учителя по дзю-дзюцу. Когда на меня навалился довольно крупный мужик, я сумел увернуться от удара прикладом автомата и нанести ему ответный удар выпрямленными пальцами левой руки в глаза. Этот удар часто бывает смертельным. Так оно и получилось. Филипп боролся с двумя. Он всегда носил с собой кривой кинжал бевут, доставшийся ему в наследство от деда – морского пехотинца. Кинжал спас его. Одного Филипп сумел заколоть, а оставшегося мне пришлось оглушить прикладом отобранного автомата. Когда нападавший пришёл в себя, Филипп спросил его: «Почему не стреляли нам в спину?».

– Был приказ взять живыми, – ответил тот.

Вместо награды за пленного языка, мы от командира получили жестокий нагоняй за самовольное выдвижение на огневую позицию без группы прикрытия.

Вскоре было объявлено перемирие. Странное было оно. Перестрелки из стрелкового оружия продолжались. На рубеже разделения появились укроповские снайперы и у нас начались потери. Как позже выяснилось, это в ВСУ пришло пополнение из стран Прибалтики, в основном, снайперы-женщины.

У меня появилась трофейная американская «Барретт М107А1» с боекомплектом. В бою я её пока не использовал, опробовал на мишенях. Она полегче нашей АСВК и бьёт подальше. Удобная. Нам с Филиппом поступила команда – обезвредить снайперов. С новой для меня винтовкой мы выдвинулись на позицию. Залегли в снег. Белые маскхалаты делали нас мало-заметными, лицо и винтовки выкрашены белой зубной пастой. Лежим и ожидаем поползновения с той стороны. Мы находились на солнечной стороне, что затрудняло противнику смотреть на нас, да и блики от их оптики могли появиться.

Мы с Филиппом засекли два блика. Начал присматриваться. Увидел один чёрный пятчок, чуть подальше – второй. Непростительная промашка!.. «Краски или зубной пасты не хватило? – подумал я, – чтобы закрасить торец искрогасителя. Мы свои закрасили». Здесь я хочу сказать, что на наш участок ВСУ присылали самых опытных, самых маститых снайперов, но пока я с ними справлялся. Это была очередная охота на меня. Решил тогда, что и здесь не оплошаю. Мне захотелось уничтожить обоих, забыв золотое правило снайпера – стрелять только один раз и менять позицию!

После второго моего выстрела на нас обрушились 30—ти миллиметровые гранаты. И только благодаря тому, что солнце слепило стрелявших, оно было за нашими спинами, прицельного огня у стреляющих не получилось. Наша группа прикрытия в ответ открыла стрельбу из 80—ти миллиметровых миномётов и уничтожила стрелков. Это спасло нам с Филиппом жизнь.

Я получил осколочное ранение кисти правой руки. Это было даже не ранение, а что-то более страшное. Смотреть на свою руку я не мог. Начал терять сознание... Филипп наложил жгут, сделал перевязку и обезболивающий укол. У нас была аптечка— неотъемлемый атрибут каждого снайпера. Под прикрытием ответного огня с нашей стороны, он вынес меня в расположение нашего отряда. Было принято решение эвакуировать меня в Донецк. По пути мы несколько раз попадали под миномётный обстрел и вынуждены были лежать в придорожном кювете, дожидаясь темноты. Прибыли в госпиталь. Консилиум хирургов пришёл к выводу, что кисть спасти невозможно из-за полной её раздробленности, а также во избежание газовой гангрены – то, что осталось от кисти надо удалить. А дальше – наркоз и культя... Вот такое получилось перемирие.

В госпиталь через несколько дней пришли заместитель командира части и начальник штаба. От них я узнал, что в тот день я отправил в рай или ад чемпионку мира по стрельбе, суперснайпершу Эльзу Брюгге и её напарницу, тоже не менее известную в стрелковом спорте. Мои командиры сообщили, что мы с Филиппом представлены к высокой награде ДНР. Тут же мне вручили «Орден за боевую доблесть 3-й степени». Это транслировалось по местному телевидению в передаче: «Они сражаются за Родину».

Выписали меня из госпиталя, когда весна была уже в самом разгаре. В госпитале меня часто навещали тётя Галя и Валентина. У них я погостил всего два дня. В Японию позвонил только один раз. Разговаривал всего пять минут. Сказал Акеми, что жив-здоров и скоро буду дома, а также попросил сообщить её новый адрес. Она успела сказать, что родила сына и дочь. Им уже почти пять месяцев...

Самолёт рейсом Москва—Токио летит почти десять часов. Я думал выспаться в полёте. В Москву прилетел из Ростова-на-Дону и сильно устал. Культя моя иногда чесалась, видимо, окончательно заживала. Я совсем ещё не привык к своей инвалидности, то и дело пытался что-

то взять правой рукой, но только беспомощно тыкался культёй. Порой побаливали пальцы, которых уже не было... В международный аэропорт Токио – Нарита, я прибыл под утро. Заказал такси. Через час был у высотного дома на улице, по которой часто ходил и знал её от начала до конца... Начинался рассвет. Многомиллионный город просыпался... Я сел на лавочку у подъезда дома и решил прийти в себя. Сердце билось учащённо. Сейчас увижу свою Акеми и детей... Ведь мы с ней еще даже не женаты, но деток уже успели родить. А нам всего-то идёт двадцатый год. Я начал только сейчас сознавать, как мне всё же повезло! Ведь мог погибнуть и оставить своих япошечек сиротами. Какая, оказывается, жестокая штука – война! Воевать вновь мне совсем не хотелось, я считал, что свой долг перед Родиной выполнил...

Я начал смотреть в окна семиэтажного дома. Судя по адресу, квартира номер 18 не могла быть высоко. Вдруг в окне на пятом этаже появился знакомый силуэт, и я увидел её.

– Акеми!.. Я вернулся, ты слышишь, я вернулся! – крикнул я на русском.

На японский мы перешли после того, как отдышались после долгого поцелуя. И только потом Акеми увидела мою руку. Она взяла её и стала покрывать поцелуями. Слёзы текли по её щекам и капали на мою культю...

Часть вторая

Игрок середины поля

Прижимая здоровой рукой Акеми к себе, я успокаивал её, как мог:

– Ну, что ты плачешь, родная, я ведь живой... Всё будет хорошо... Не плачь...

Когда мы вошли в прихожую квартиры, Акеми нагнулась, чтобы помочь мне разуться.

– Не надо, я не такой уж беспомощный, – остановил я её, – это могу и сам...

В небольшой гостиной, куда меня завела Акеми, веяло домашним уютом и теплом. Мебели было немного: легкий небольшой диванчик, компьютерный стол с компьютером, пара плетённых стульев и журнальный столик. На полу плетённая циновка – татами. Две раздвижные двери вели в соседние комнаты.

– Дети там, – указала Акеми на одну из дверей, – но сначала прими ванну после дороги и переоденься, а я их сейчас буду кормить... У тебя есть сменная одежда?..

В моём саквояже были рубахи, пара брюк, трико и все туалетные принадлежности. Бриться я начал после ранения, а до этого носил небольшие усы и бороду – а ля Че Гевара. Я ему подражал, потому, что внешностью очень был похож на него...

Мне хотелось увидеть малышей, поэтому долго в туалетной комнате не задержался. Вошёл в боковую комнатку, где была Акеми с детьми. На плетённом татами, лежащем на полу, был разостлан futon – матрас для сна, а на нём, из-под тонкого одеяльца, смотрели на меня раскосыми глазёнками две темноволосые головки. Дети только что поели. Я присел на корточки около futона и не знал, как к ним прикоснуться, а они, увидев меня, заулыбались, показывая по два прорезавшихся зуба под верхней губой.

Акеми начала менять детям памперсы. Тут уж я принимал самое активное участие и рассмотрел: где мальчик, а где девочка. Лицами они были абсолютно похожи друг на друга.

– Как назвала детей?

– При оформлении документов на детей в нашем районном муниципалитете меня зарегистрировали как мать-одиночку, и я дала им свою фамилию – Ямашита. Девочку назвала Акико, мальчика – Акира. Очень хотела назвать русскими именами, но тогда бы у меня были затруднения с регистрацией в Центре благосостояния. А это страховки, ежемесячная материальная помощь и медицинское обслуживание...

Уложив детей спать, Акеми, обняла меня и сказала:

– Ты так возмужал и такой стал большой...

– Всего на три сантиметра подрос. Теперь метр восемьдесят восемь... Ты скажи, как управляешься одна с детьми?

– Я не одна. В Центре благосостояния при муниципалитете мне выделили оплачиваемую помощницу. Она работает полный рабочий день. Ты мне по телефону говорил, что сегодня прилетает, поэтому я дала ей выходной...

За завтраком Акеми мне рассказывала о покупке квартиры.

– В новом доме я купила трёхкомнатную квартиру за 400 тысяч долларов. Из твоих денег взяла только двести. Добавила свои, те, что были у меня раньше и призовые, которые получала на соревнованиях. Я ведь за 2014 год стала чемпионкой префектуры и заняла второе место в первенстве страны. Спортсменам была положена государственная дотация при покупке жилья. Теперь у нас своя квартира...

После завтрака мы с Акеми собрали детей, взяли документы и направились в районный муниципалитет, где написали заявление на регистрацию брака. В Японии проблем с регистрацией нет. На следующий день получили свидетельство о браке и подписали брачный контракт.

В Японии это обязательно. Всё имущество пополам. Детей переписали на меня и дали им уже мою фамилию – Вирта. Гуляли по улицам пока дети не проголодались.

Ночью мы лежали с ней на футоне, расслабленные и счастливые. Дети спали, а мы обнявшись тихо разговаривали.

– Ты воевал на передовой? – спросила она меня, – я так молилась за тебя. Просила и Будду, и Христа сохранить твою жизнь для меня и наших детей... Ты убивал?..

– В меня тоже стреляли не шариками от пинг-понга...

Чувствовалось, что она ничего не знает о войне на Донбассе. Пришлось мне провести с ней разъяснительную беседу и рассказать, что происходит на несчастной Родине моих предков.

– А ты знаешь, по нашему радио и телевидению говорят и показывают совсем другое, – сказала она, – будто на Украине террористы воюют против законного правительства, а Россия – агрессор, помогает им и даже участвует в войне».

– Ну, вот... Теперь ты жена террориста. Если узнают, что я воевал за ДНР, то меня экстрадируют в Украину, как преступника... Давай договоримся: будем всем говорить, что кисть мне оторвало осколком при обстреле города украинскими вооруженными силами, когда я был в гостях у бабушки и дедушки...

На другой день пошёл в детдом за выписными документами. Там мне администрация учинила допрос с пристрастием. Я рассказал свою версию. Мне поверили. Очень сочувствовали. Познакомился с помощницей, работающей у Акеми. Жестина лет пятидесяти была очень деловой и хозяйственной. Она обеспокоенно интересовалась: не прерву ли я контракт с нею? Я её успокоил и сказал, что она может продолжать работу столько, сколько сама посчитает нужным.

Мне надо было думать о работе чтобы содержать семью. Денег у меня в банке пока хватает, но проценты не очень большие, их на расходы не хватит. Посетил секцию стрелкового спорта. Я, как ни как, был чемпионом Токио в прошлом году по стрельбе из пистолета. Пострелял и убедился, что левая рука, не то, что правая. Нет, результаты были тоже неплохие, но перспектива – не выше пятого места в соревнованиях. Пуля в пулю уже не положишь. И тут я вспомнил о футболе. А почему бы и нет!? Потренироваться, вспомнить молодость. Тряхнуть, наконец, стариной в двадцать лет... Поговорил с Акеми и рассказал о своём намерении, предупредив, что если план удастся, то она будет видеть меня дома гораздо реже.

Моя команда, где я некогда стажировался и даже был записан в резерв, как говорится, влачила жалкое существование. Была в зоне вылета в третий дивизион. Конечно, меня тренеры вспомнили и предложили приходить на тренировки. До закрытия заявочного окна оставалось три недели и тренер рискнул включить меня в дозаявку, не обращая внимания на инвалидность. Правда, медкомиссию предложено было пройти. Здоровье было хорошим. Со мной подписали предварительный контракт до конца сезона.

Конечно, я был полностью не готов к играм, что выяснилось сразу же на первой тренировке. Мячом владел неплохо, но что касается физической подготовки, то здесь выглядел бледновато. Да и лишние килограммы давали о себе знать. Но тренер, помня меня мальчишкой, поверил в меня.

Начал я тренироваться по индивидуальному графику. С утра до вечера, с настойчивостью японского самурая совершал кроссы, прыгал с мешком песка на плечах, совершал приседания на одной ноге, затем на другой. За две недели сбросил злосчастные пять килограммов веса, но самое главное, перестал задыхаться при нагрузках. Тренер обратил внимание на мою высокую стартовую скорость при очень хорошей координации тела и предложил поменять амплуа – из форвардов перейти в плеймейкеры, или проще – стать игроком в центре поля, который начинает все атаки своей команды и гасит атаки противника.

– Думаю, что твоя способность понимать действия игроков команды противника и оказываться на пути направления их атаки, – сказал он, – поможет нам в игре.

Шесть лет обучения в футбольной Академии, конечно, не прошли для меня даром. Я научился многим футбольным хитростям. Финтами мог обвести один в один любого игрока, а то нескольких сразу. Мой внушительный корпус позволял вести силовую борьбу при отборе мяча, но самое главное – я отдавал филигранные пасы партнёрам. Культура паса – это одно из основных действий в футболе. Футбол коллективная игра. Можно собрать вместе одиннадцать виртуозов, но, если они будут играть каждый индивидуально, только для себя, никакой игры не получится. Мне это говорили тренеры в Академии, и я это хорошо усвоил. Не жадничал, но и не боялся вступать в единоборство и обводку.

Второй круг моя команда начинала игрой с лидером дивизиона, и мои партнёры чувствовали себя как-то обречённо. Линия защиты состояла из возрастных парней даже старше меня, плеймейкера исполнял игрок, которому было за тридцать. С ним у меня сразу не сложились дружеские отношения. Он почувствовал, что я ему замена и на тренировках старался меня даже травмировать. Но моя реакция позволяла вовремя убирать ногу или голову от столкновений, а корпус у меня был дай Бог каждому: почти 90 килограммов при отсутствии даже намёка на жировые прослойки.

На игру я был заявлен запасным. В стартовый состав новичков не поставили. Их кроме меня было еще двое – выпускников местной футбольной Академии. Они были, как и я, ещё не опробованы в официальных играх.

К концу первого тайма мы уже проигрывали со счётом 0:2. Их плеймейкер, верзила под метр девяносто, переигрывал в центре поля нашего и точными пасами подключал к атаке то левого, то правого вингеров – полузащитников своей команды. А дальше форвард с атакующими полузащитниками в нашей штрафной творили своё «чёрное» дело, «расстреливая» нашего вратаря и в упор, и издали. А он, совершая невероятные сейвы, спасал нашу команду от верных голов. «Ташил» всё, что летело в его ворота.

Перед самым свистком судьи на перерыв наш плеймейкер всё же оказался травмированным при столкновении с форвардом противника и тайм доигрывал прихрамывая. В перерыве тренер решил заменить левого вингера и травмированного плеймейкера. На поле вышли я и юркий парнишка – восемнадцатилетний воспитанник нашей футбольной Академии. Мне он на тренировках очень понравился: хорошо видит поле и прекрасно открывается для атаки. Первое моё столкновение с плеймейкером противника произошло сразу же в начале второго тайма, когда он, владея мячом, не помышляя ни о каких тонких финтах, рассчитывая только на грубую силу, решил обойти меня, играя, что называется «кость в кость». При этом, он использовал не только корпус, но и локти. Я устоял, а судья поставил штрафной в нашу пользу. При следующем столкновении с ним, мячом уже владел я. Исполнив финт Зидана и, оставив плеймейкера далеко позади себя, сделал пас парню, вышедшего на замену вместе со мной. Против него защитники нарушили правила.

Опасный «стандарт» вблизи штрафной площадки противника мы с ним разыграли, как по нотам. Все игроки сгруппировались в центре штрафной, ожидая навес туда, а он мягко набросил мяч на меня, стоявшего в метрах пяти от штрафной и, по мнению защитников, не представлявшего никакой угрозы. Поэтому меня никто не опекал. Я принял мяч на грудь, опустил его на середину голени левой ноги и совершил, так называемый, «теннисный топ-спин» даже не удар, а скорее, бросок стопой ноги. Мяч, взмыв над головами защитников, получив соответствующее вращение, резко «клюнул» вниз под перекладину. Вратарь даже не шелохнулся! При счёте 1:2 наша команда вдруг заиграла более вдохновенно и напористо. Игра «в одни ворота» превратилась в игру на встречных курсах. Я раз за разом выигрывал стычки с плеймейкером противника и подпитывал пасами вингеров – игроков, бегающих по бровке поля, а порой и сам врвался в штрафную, обыгрывая по несколько защитников и сбрасывая мяч под удар своих

форвардов. За пять минут до финального свистка судьи, мы отыграли второй мяч. Этот матч закончился вничью, что можно было приравнять к победе. Ведь мы отобрали очко у лидера.

Дома Акеми меня встретила бурным восторгом. Игру она смотрела по телевизору и видела все перипетии матча.

– Максим, ты был бесподобен. Я так переживала за тебя, даже испугалась, что от волнения молоко в груди пропадёт...

Молоко у неё не пропало. Правда, мы начали подкормку детей разными смесями и кашками. Они росли крепенькими и не болели. Все прививки им в положенные сроки делала патронажная сестра, регулярно посещавшая нас.

Семейная жизнь моя внешне была безоблачной. Есть любимая работа, есть любимая жена, детки, но по ночам мне снились мои боевые товарищи, и живые, и погибшие. Снился часто Филипп, как он тащил раненного меня под миномётным огнём в наш отряд, всё время повторяя: «Мальчик, ну, потерпи ещё немного, всё будет хорошо, всё будет хорошо...». А я стонал... От стоны просыпался... Просыпалась и Акеми. Она гладила мое лицо своими теплыми ладонями и успокаивала меня. Я снова засыпал и снова во сне стрелял и стрелял... У детей начали резаться зубки на нижней десне. Они капризничали, плохо ели и плохо спали. Мы с Акеми вставали и брали по ребёнку на руки и бродили по комнатам, убаюкивая их. На тренировки я приходил плохо выспавшимся. Это заметил тренер и сделал мне замечание. Акеми упростила помощницу некоторое время поработать круглосуточно. Та согласилась. Это избавило меня от переживаний во время игр на выездах.

А наша команда стала уверенно подниматься вверх по турнирной таблице, не проиграв ни одной игры в оставшихся встречах. Я окончательно укрепился на позиции плеймейкера, а бывший плеймейкер перешёл в защитники, играя в этом амплуа достаточно уверенно. Мы с ним подружились, и он с удовольствием передавал мне все тонкости японского футбола. Он имел большой опыт игры в высшей Джей-лиге и теперь доигрывал контракт в команде второго дивизиона, готовясь стать футбольным судьёй.

Сезон мы закончили на девятом месте – укрепившись ровно в середине турнирной таблицы. Со мной руководство команды заключило трёхлетний контракт, по которому я не имел самовольного права на его разрыв, но руководство имело право меня продать любому клубу. Заработная плата меня устраивала, она была очень высокая.

Детки мои подросли. В середине декабря им исполнился год. Они уже не ползали по комнатам, а ходили. Мы с Акеми с ними разговаривали на русском и на японском. Акеми окончила водительские курсы и купила автомобиль. Я не хотел садиться за руль, ссылаясь на нервы. Терпения у меня не хватало стоять в пробках. С тётей Галей я регулярно разговаривал по телефону. Моя двоюродная сестра Валя закончила донецкую консерваторию по классу виолончели и теперь играет в симфоническом оркестре города Санкт-Петербурга.

Новый сезон 2016 – 2017 годов начался для нашей команды весьма успешно. Мы возглавили турнирную таблицу. И тут владелец контрольного пакета акций нашей команды получил весьма заманчивое предложение – продать меня клубу Джей-лиги за довольно приличную сумму – 30 миллионов долларов.

Итак, я перешёл в другую команду. Класс игры в высшей лиге, конечно, был не сравнимо выше, но и я уже был совсем не начинающим. Посмотреть на мою игру болельщики покупали билеты задолго до даты проведения матча в их городе. А посмотреть было на что. Почти в каждой игре я забивал. Причём делал это артистически и с изяществом. К перерыву в играх мы подошли, оказавшись на втором месте в турнирной таблице. В январе команда ушла в отпуск.

Всё свободное время я проводил с семьёй. Дети уже всю болтали на русском и японском языках. Им пошёл уже третий год. В ортопедическом Центре мне изготовили муляж кисти руки, и я его пристёгивал к культе, когда ходил по улицам. Он сильно был похож на настоящую кисть. Меня узнавали на улицах, болельщики просили автограф.

Но это были для меня, как говорится, только «цветочки». Когда по центральному телевидению, наконец, стали показывать правду о гражданской войне на Юго-Востоке Украины и японцам показали кадры хроники, в которых они увидели весь ужас войны: разрушенные дома, убитых мирных жителей в посёлках и городах Донбасса, то репутация правящей хунты Украины в глазах японцев оказалась сильно подорванной.

«Ягодки» для меня начались, когда по телевидению прошла передача об интернационалистах многих стран, сражающихся в рядах ополчения. Диктор объявила, что среди них был и гражданин Японии. Далее были показаны кадры, где я награждался боевым орденом ДНР.

Накануне со мной встречалась группа журналистов этой телекомпании и один из них сказал:

– Мы просматривали хронику телепередач Донецкого телевидения и нас заинтересовал сюжет, в котором вас в госпитале награждали орденом за боевые заслуги. Вы принимали участие в войне на Донбассе... Почему?..

Я решил всё выложить начистоту:

– Моим воспитателем и Учителем в течении десяти лет был (тут я назвал фамилию погибшего при землетрясении Учителя) – прямой потомок известного рода самураев. Когда от обстрела «Градами» погибли мирные жители Донбасса, мои дедушка и бабушка, их соседи и дети – я решил отомстить в полном соответствии с одной из заповедей самураев: «Проявляй великое сострадание и помогай людям». Я это сделал согласно букве и духу Бусидо – кодексу самурая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.